

Н.В. Серебrenников

Г.Н. ПОТАНИН И Л.Н. ТОЛСТОЙ

Рассматривается отношение Потанина к Л. Толстому как к общественному деятелю, чьё решение социальных проблем иногда требовало критики. Симпатии Потанина к Л. Толстому выглядят типичными для интеллигента конца XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: Г.Н. Потанин, Л.Н. Толстой, общество.

Напомним известное гребенщиковское сравнение Л.Н.Толстого с Г.Н. Потаниным: «...преклоняясь перед величавою фигурой Толстого, я не находил в нём той цельности и неподдельной простоты, какими обладает скромный, по сравнению с Толстым, сибирский дедушка», и когда Толстой «хотел и не мог уйти от соблазнов мира и, как скорманный лев, метался <...> тщетно пытаюсь опроститься, – <...> простой и неизменно кроткий, всегда нуждающийся сибиряк шёл прямо по своей демократической и тернистой дороге к единой светлой истине – ко благу своей родины. <...> но в конечном пункте идеалы обоих старцев сходятся. Толстой говорит: “Царство Божие внутри нас”, сущность потанинского идеала: “Пусть каждая область зажжет своё солнце, и вся земля будет иллюминирована”. Немудрено поэтому, что для сибиряков Потанин то же, что Толстой для всех обременённых духовною жаждою и скорбью людей мира» [1. С. 101]. Любопытно, как относился к Толстому сам Потанин.

Произведения Толстого он читал, по поводу своей жены, Александры Викторовны, заметил: «Она была поклонница Льва Ник. Толстого, ценила и его художественные произведения, и его искания в области веры» [2. С. 75], – но от какой-либо оценки беллетристики Толстого уклонился. Толстой как общественный деятель оказался для Потанина более интересен.

17 августа 1873 г. в «Московских ведомостях» появилось письмо Толстого, где он указывал на три неурожайных года в Самарской губернии, предрекая почти повальный голод и болезни. Прочитав это, Потанин тотчас написал К.В. Лаврскому в Самаре: «В “Моск<овских> вед<омостях>” есть о грозном будущем статья графа Льва Толстого. Нельзя ли послать несколько номеров газеты Льву Толстому – он чуть ли не самарский помещик» [3. Т. 1. С. 194]. Подразумевались не «Самарские губернские ведомости», в которых К.В. Лаврский только что стал работать, а «Камско-Волжская газета», в которой он был соредктором, Потанин сотрудником: здесь толстовское

письмо в сокращении перепечатали 29 августа. В отличие от Толстого, «Камско-Волжская газета» давала обзор голода не только в Самарской губернии, но от Дона и Херсона до Перми и Петербурга, за что поплатилась переносом цензуры из Казани в Москву и невозможностью продолжать издание.

В 1874 г. Потанин заинтересовался протестующей против «наглядного обучения» и вызвавшей «большой шум» [3. Т. 2. С. 146] статьёй Толстого «О народном образовании», опубликованной в № 9 «Отечественных записок». Потанин оговорил, что пока знает «статью только по слухам. На основании же этих ограниченных данных заключаю, что статья в принципе хорошая, но надо же ведь детей учить и кроме религии ещё чему-нибудь, а это последнее и не может быть иначе преподаваемо как наглядное. <...> Толстой нападает на наглядное обучение потому, что при этом учат детей вещам со знаниями, с которыми они уже являются в школу. <...> Педагогика не наука, а искусство: учитель должен создавать метод, программу и прочее во время самого хода дела; их разнообразие, т.е. программ и методов, должно быть столько, сколько детей, поэтому учебник трудно, немыслимо изложить для наглядного преподавания, но образцы подобного преподавания должны быть напечатаны для наглядности других учителей» [3. Т. 2. С. 150–151]. В это время Потанин разрабатывал концепцию обучения родиноведению, наглядность урока оценивал положительно и толстовские нападки должен был счесть необоснованными.

Недовольство Толстого общественными настроениями и самим собой Потанин зафиксировал в специальной заметке про автобиографию Толстого, напечатанную в 1882 г. в № 5 журнала «Русская мысль»: «...Толстой рассказывает, как он тяготился своим богатством. Положение в обществе, литературная слава, богатство – ничто его не удовлетворяло. Он доходил даже до того, что хотел застрелиться. Временно его успокоили люди науки, уверив, что цель жизни – прогресс челове-

чества <...> Теперь он нашёл, однако, успокоение в народной вере. Толстой ходит в армяке, беседует с раскольниками и переходит к их образу жизни. В настоящее время Л. Толстой пишет “толкование на Евангелие”» [4].

17 марта 1895 г. К.В. Лаврский сообщил Потанину, что в Москве «имел свидание с Тол<с>ты<м>. Он производит впечатление не столько философа, сколько обществ<енного> деятеля, – все его разговоры сводятся к практическим задачам. Между прочим он меня заинтересовал речами Генри Джорджа, но т<а>к к<ак> я по-английски не читаю, то ищу теперь о нём сведений в русс<к>ой печати и пока не нашёл. Не знаете ли Вы где и что о нём можно прочитать на русском языке?» [5]. Книги Г. Джорджа уже были изданы в русском переводе, но то, что заинтриговало казанского земца, вряд ли могло увлечь сибирского областника: американский социолог, а за ним и Толстой, видели всех бед панацеей в национализации земельной ренты путём введения подоходного налога, но для Сибири эта проблема не существовала, здесь о такого рода прибавочной стоимости речь не шла, а значит, и для решения российских вопросов такие выкладки смотрелись паллиативом.

Позиция Толстого, постоянно и широко освещаемая в печати, привлекла внимание Потанина и в связи с тем, что тот выказал очень нервный протест против своего «отлучения» от Церкви, «(т.е. против синодского постановления)...» [6. С. 32], – справедливо пояснил Потанин, поскольку Синод поступил так же, как волен поступить любой священник, отлучая прихожанина от причастия св. тайн, доколе тот не раскается в грехах. Однако в своём ответе Толстой полностью порвал с Церковью.

Когда планировалось издание «книжек для народного чтения на бурятском языке», Потанин предложил «выбрать три, четыре небольших рассказа Толстого» и хладнокровно отнёсся к настоянию включить и притчу «Карма»: «Я не против, можно...» [3. Т. 5. С. 66], – т.е. можно дать, а если не давать, то потери не будет, – вероятно, здесь отложилось и отношение к тому, что православный, не сумевший прояснить суть христианства, тем паче со своим переложением с английского, не годился в наставники буддистам.

В 1908 г. Потанин запрашивал, что можно сделать по поводу 80-летия Толстого, в 1911-м помогал своему знакомому, секретарю Толстого, В.Ф. Булгакову в устройстве вечера памяти писателя и просил для крестьянина-старообрядца толстовскую «Критику догматического богословия», но за этим стоит исполнение либо общественных обязанностей, либо чьей-то просьбы, а личное едва ли выражено.

О днях почитания скончавшегося Толстого Потанин отозвался вдруг с некоторой иронией – не в адрес покойного, а потому что «эти дни мы всё хоронили Толстого, чтили вставанием, пели “Вечную память”, слушали похоронные марши <...> уходили из собраний торжественно настроенными», – и, не давая Толстому характеристику, Потанин тут же написал о смерти профессора-гистолога А.Е. Смирнова, что «студенчество потеряло в нём сердце, теплоту которого оно непосредственно чувствовало» [6. С. 312–313]. Можно предположить, что в морализаторстве Толстого Потанин не ощущал искреннее чувство не потому, что для многих Толстой был не доступным гуру, а ввиду жёстких наставлений, подчас радикально расходящихся с естественными потребностями человека. Между тем при чтении рассказа В.Я. Шишкова «Ванька Хлюст» Потанин отметил в одном из персонажей «твердокаменные правила, установленные деревенской философией», и «воображение подсовывало мне популярную во всей России, симпатичную фигуру <...> Льва Толстого» [6. С. 360]. Старик из рассказа напоминает Толстого только внешне, но важно то, что Толстой для Потанина выглядел органичным радетелем за крестьянские интересы. Его мужество и умение идти наперекор государственным установлениям импонировало Потанину. В 1915 г. в юбилейной речи он заявил: «Когда в нашем обществе раздаются смелые гражданские слова <...> вроде толстовских – “Не могу молчать”, – все русские сердца начинают волноваться...» [2. С. 257–258].

Итог наблюдений за отзывами Потанина представляется таким: подчас односторонний или не вполне приемлемый подступ Толстого к социальным задачам требовал критики, а значение человека, искренне пытавшегося помочь в их решении, вызывало глубокое уважение. В целом, приятие Толстого Потаниным выглядит весьма типичным для интеллигента конца XIX – начала XX столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гребенщиков Г.Д. Большой сибирский дедушка (Из личных встреч с Г.Н. Потаниным) // Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии). Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2008.
2. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 7. Новосибирск. книжное изд-во, 1986.
3. Потанин Г.Н. Письма: В 5 т. Иркут. гос. ун-т, 1987–1992.
4. Сибирская жизнь. 1882. 17 окт. № 42. Стлб. 1041.
5. Красноярский краевой краеведческий музей. № 659. Л. 1об. (текст предоставлен К.В. Анисимовым).
6. Потанин Г.Н., Васильева М.Г. “Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью”: Переписка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.